

А. С. РУСЯЕВА

БОСПОРСКАЯ ЦАРИЦА КАМАСАРИЯ

В политической и культурно-религиозной жизни как эллинов, так и варваров Северного Причерноморья женщины, бесспорно, играли определенную роль, однако только о некоторых из них сохранились незначительные письменные сведения. Они не стали столь знаменитыми, как отдельные женщины Эллады, восточных эллинистических монархий или Римской империи. Деятельность женщины в общественной жизни, очевидно, была столь необычной для мировоззрения и понтийских эллинов, и варваров северопонтийского региона, что только самые известные из них удостоились исторических новелл, вызывающих у одних исследователей доверие, а другие, наоборот, видят в них лишь выдумки античных авторов.

Однако, как бы то ни было, но данные источники существуют и заслуживают внимания и особого к себе отношения. Каким бы скептицизмом они не пользовались, нельзя забывать, что женщины так или иначе занимали значительное место в развитии каждого общества [см.: Seltman 1956; Zinserling 1972; Gardner 1986; Лубченков, Романов 1990; Вардиман 1990; Женщина в античном мире 1995, литература]. Другое дело, что их влияние на правителей происходило чаще всего за кулисами общественной жизни и оставалось тайной для многих. Лишь некоторым из них посчастливилось и их имена остались в истории. Они раскрывают, насколько сильно эти женщины могли влиять на политику царей и архонтов, императоров и тиранов, их связи в обширном и неустойчивом античном мире, общее развитие культуры и религии [Schuller 1985; 1987].

В Северном Причерноморье сохранилось мало свидетельств о женщинах-правительницах или тех, кто отличился разумными действиями, мужеством, влиянием на политику и религиозное мировоззрение того или иного государства. Тем не менее, хотя зачастую и в единичных источниках, о них имеется немало привлекательного для понимания некоторых аспектов исторического и культурного развития древнего населения на территории северной периферии античного мира.

Из разных, главным образом, надгробных памятников, особенно эпитафий и скульптуры, ярко выступает образ женщины-матери и жены как ключевой фигуры античной семьи. В этом плане особенно богатую источниковую базу представляют надгробные надписи Боспора, которые совместно со скульптурными рельефами могут раскрыть много элементов из жизни женщин, их менталитета и мировоззренческой ориентации, зависимости от мужчин, социального состояния в семье и обществе. Однако, все образы этих женщин в целом сходны между собой. Они не выделяются

ни ярким характером, ни неординарным поведением или какими-то особыми действиями.

Вместе с тем имеются и редкие эпиграфические источники, благодаря которым вырисовываются, хотя далеко и не в полной мере, весьма интересные женские характеры. Среди них в первую очередь привлекает внимание одна из наиболее известных в Причерноморье позднеэллинистического времени боспорская царица Камасария, рассмотрению деятельности и, по возможности, ключевых моментов ее жизни будет посвящена настоящая статья.

Хронология и последовательность правления династии последних Спартокидов, к которым относится и Камасария, до сих пор точно не установлены и, пожалуй, наиболее запутаны из-за количественно нарастающих в последнее время самых разных взглядов, гипотез и версий [ср.: КБН 1965, с. 832; Виноградов 1987, с. 61-66; Яйленко 1990, с. 306-307; Молев 1994, с. 17-22; Анохин 1999, с. 236]. Общее у большинства из них наблюдается только в том, что начало прихода к власти отца Камасарии Спартока V (по мнению В.П.Яйленко, Спартока VI) относится приблизительно к 200 г. до н.э. Это своего рода точка отсчета, после которой так или иначе устанавливаются хронологические рамки царствования последних Спартокидов на протяжении около девяноста лет, до того времени, когда власть здесь была передана понтийскому царю Митридату VI Евпатору и в истории Боспора Киммерийского началась совершенно иная эпоха.

Очевидно, еще в большей зависимости от неоднозначных, а нередко и субъективных решений ученых находились бы конкретные датировки правления отдельных представителей этой династии во II в. до н.э., если бы среди них не оказалась царица Камасария. Как раз именно о ней и взаимосвязанных с нею родственными узами Спартокидах имеются более-менее точные даты, служащие своеобразными хронологическими реперами и для установления хотя бы относительной хронологии нахождения у власти правителей Боспорского государства в этот период.

Прежде всего, это список донаторов храма Аполлона в Дидимах, в котором названа царица Камасария, которую единодушно относят к боспорской династии Спартокидов [SIG, II, 2855; Граков 1939, № 38]. Большинство современных ученых, вслед за А.Ремом, датируют ее дар 178/177 г. до н.э. [Rehm 1958, № 463; КБН 1965, с. 83; Günther 1971, S. 95; Виноградов, 1987, с. 61]. Через год в почетном списке этого святилища оказался и ее супруг Перисад III [Rehm 1958, № 464]. При этом следует добавить, что некоторые исследователи «разрывают» на десятилетия данные эпиграфические сведения, в одних случаях принимая передатировку А.Рема, в других возвращаясь к датировкам А.Бека, вследствие чего дар Камасарии относится ими к 178 г., а Перисада, но уже не мужа, а сына к 154 г. до н.э. [ср.: Яйленко 1990, с. 307, прим. 169; Анохин 1999, с. 93-94]. Однако такая хронология не увязывается с существующими именами в списках донаторов храма Аполлона в Дидимах, что достаточно убедительно доказано А.Ремом, а также, как будет сказано ниже, и с деятельностью самой Камасарии вкуче с ее первым супругом Перисадам.

Второй документ – дельфийская проксения с частично испорченной преамбулой и отсутствием конечной части надписи: «Постановлено полисом дельфийцев на полномочном собрании с законным голосованием. Поскольку царь Перисад и царица Камасария, (дети?) царя Спартока, остаются и сами и предки их почитающими

(дельфийское) божество, а также человеколюбиво обходятся с обращающимися к ним гражданами (Дельф), постановлено полисом...» [SEG, 23, 1968, № 314]. Проксения не имеет абсолютной датировки: ее относят ко времени от 170 до 150 г. до н.э., в общем же – ко второй четверти II в. до н.э. [ср.: Виноградов 1987, с. 62-64]. Соответственно этим датам и в сопоставлении с другими источниками, Камасария находилась у власти чаще всего совместно со своими мужьями и сыном Перисадом Филометором приблизительно с 180 по 150 г., а возможно, и несколько дольше.

Собственно сама по себе царица крайне редко привлекала к себе внимание ученых. В основном она интересовала их лишь в том случае, когда пытались выяснить хронологию и последовательность смены боспорских царей. Так, например, Е.А.Молев вообще проигнорировал ее в списке правителей позднеэллинистического времени [1994, с. 21, 22]. Между тем Камасария относится к тем незаурядным личностям, благодаря которым на Боспоре произошел ряд коренных изменений как во внешней, так и внутренней политике, а также внутри рода Спартокидов. Попытаемся рассмотреть ее жизнь и деятельность в той мере, насколько позволяют прямые и косвенные источники.

Имеются определенные основания полагать, что имя Камасария стало наследственным в роду Спартокидов, по крайней мере, начиная с Комосарии – дочери Горгиппа, сына Сатира I, двоюродной сестры и жены выдающегося правителя Боспора Перисада I. Незначительное изменение имени с заменой лишь одной гласной – нередкое явление в ономастиконе Северного Причерноморья. Как известно, Комосария «по обету посвятила сильному богу Санергу и Астаре при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царе синдов, всех маитов и фатеев» две скульптуры (мужскую и женскую), которые были установлены на невысоком известняковом постаменте [КБН, 1015]. Скорее всего, это были рельефные фигуры в нише или же статуи, стоящие у стены храма, а может, и другого культового сооружения, так как тыльная сторона одной из них (женской, дошедшей до наших дней) осталась необработанной [Иванова 1961, с. 66].

Относительно этнического и социального происхождения Комосарии высказаны лишь отдельные гипотезы, поскольку доказать его не представляется возможным из-за отсутствия достоверных источников. Так, А.Вернер предполагал, что она была дочерью Горгиппа от брака с синдской принцессой [1955, S. 440], что представляется весьма правдоподобным и С.Р.Тохтасеву [1994, с. 82], хотя им и не приведено никаких маломальских доказательств именно о ее синдском происхождении, как и о том, что божества Санерг и Астара почитались в среде этого земледельческого племени. Весьма сомнительно таковое особенно в свете трагических событий при вмешательстве в дела Синдики Сатира I после жестоких действий Тиргатао и смерти его сына и брата Горгиппа Метродора [Polyaen. VIII, 55].

Решительно настаивая на том, что «Спартокиды были скифами по происхождению и принадлежали именно к царским скифам – иранцам по языку и этносу», В.П.Яйленко возводит к ним, по-видимому, и Комосарию путем сопоставления культа Афродиты Урании, владычицы Апатура с Астартой и скифской Артимпасой [1995, с. 238-253].

Действительно, большой интерес представляют два божества в посвящении

Комосарии, имена которых в истории религии Боспора так и остались один раз упомянутыми. К тому же точно такие имена вообще неизвестны в древнем мире. Можно лишь предположительно считать, что Астара, созвучная Астарте, в какой-то степени была близка ей и по своим функциям, однако вряд ли стоит прямо отождествлять ее с семитской богиней, тем более аскалонской Деркетой – полуженщиной-полурыбой или греческой Афродитой Уранией.

В эллинистический период сравнительно широко распространился в античном мире синкретический культ Афродиты – Астарты, в котором находят отражение определенные черты собственно греческой и сирийской Афродиты Урании, финикийской Ашторет, ассиро-вавилонской Иштар, анатолийской Кибелы и т.п. [см. лит.: Παλαεωρογίου 1997, р. 94-101]. В каждом отдельном случае этот культ развивался соответственно восприятию и пониманию его в том или ином коллективе и не носил типичный для всех святилищ характер.

Судя по вышеупомянутым скульптурам, оба божества представляли собой чисто эллинские образы в традиционной для эллинов одежде. На сохранившейся части статуи Астара изображена прямостоящей в длинном хитоне и, возможно, гиматии; от фигуры Санерга частично сохранился торс в гиматии, конец которого был переброшен через левое плечо. Отсутствие голов и каких-либо атрибутов не дают никакой возможности для установления их функций и отождествления с какими-либо конкретными греческими или варварскими божествами.

Прямое отождествление Астары с Афродитой Уранией, владицицей Апатура, хорошо известной на Боспоре, или Анахитой-Астартой, а Санерга с Сандоном, Гераклом и даже Митрой, несмотря на все попытки разных исследователей, не подкрепляется даже косвенными источниками, как и то, что божества со столь уникальными именами почитались всеми боспорцами [ср.: Розанова 1949, с. 92, 93; Гайдукевич 1949, с. 202; Тохтасьев 1994, с. 80-82; Яйленко 1995, с. 236-252; Ustinova 1999, р. 51-53]. Относительно сопоставления Санерга и Астары с теми или иными восточными, эллинскими, синдскими, скифскими или иными локальными божествами могут быть только предположения, которые никогда без получения в дальнейшем достоверных письменных данных не смогут служить доказательством этнического происхождения как этого культа, так тем более Спартокидов.

В основу всех рассуждений об этих божествах в первую очередь ставится Астара, а не Санерг. А ведь только он наделен многозначным эпитетом «сильный» (мощный, могущественный, крепкий и т.п.), занимая в данном посвящении, безусловно, главенствующее положение. Эта божественная диада сродни лишь отдельным диадам, как эллинских, так и восточных пантеонов, в которых мужской паредр (супруг или брат) играет первенствующую роль в совместном культе. Даже в этом случае их взаимосвязь с Афродитой Уранией, которая выступала здесь всегда самостоятельно в ипостаси верховной патронессы, кажется не совсем правдоподобной, так как она не имела паредра, которого можно было бы считать сродни Санергу, за исключением Арея, однако он никогда и нигде не играл первенствующей роли в ее святилищах.

Не меньшее значение для выяснения появления таковых божеств на азиатском Боспоре и их функций имеет местонахождение всех трех памятников, отсутствие

собственно в Горгиипии и ее округе, – если только мать Комосарии со своим супругом Горгиипом жила в этом городе, – ранних источников о почитании Афродиты Урании сравнительно с более поздним временем [Алексеева 1997, с. 219-226]. В данном аспекте, поскольку существует множество взглядов, можно высказывать лишь альтернативные гипотезы. К тому же нельзя не отметить, что в настоящее время необходимо достоверно доказать, что сохранившаяся статуя Астары была на самом деле установлена на постаменте с посвящением Комосарии и представляла совместно с мужской фигурой единый памятник. В общем же все это, совместно с другими находками, в особенности со сведениями о храме Артемиды Агротеры, сооруженном тоже в период правления мужа Комосарии Перисада в этой местности, а также интереснейшем посвящении ее родного дяди Левкона I Аполлону Фебу владыке города Лабрита в Синдике заслуживает отдельного рассмотрения, что выходит за рамки данной статьи.

Здесь же в предварительном плане, исходя в основном из поддержки взглядов тех исследователей, которые склоняются к мнению о фракийском происхождении Спартокидов [см. лит.: Васильев 1977; Шелов-Коведяев 1985, с. 83-84; Русяева 1998, с. 256-257], можно предположить, что оба божества восходят к малоазийскому происхождению. Они были перенесены на Боспор не в результате экономических отношений и прямого заимствования здесь этих культов из-за их близости к Афродите и Гераклу [Гайдукевич 1949, с. 202], а потому, что на азиатской части Боспора появилась представительница одного из малоазийских государств, в роду которой эти божества являлись наиболее почитаемыми. Таковой могла быть жена Горгииппа, привившая своей дочери Комосарии любовь к своим отечественным божествам и взявшая с нее обет поставить им памятник после ее смерти.

Став женой своего двоюродного брата, во исполнение этого обета, Комасария заказала его самому талантливому скульптору Пантикапея. Почему его воздвигли именно в этой сакральной зоне на берегу Ахтанизовского лимана, где в царствование ее мужа Перисада I был также построен на средства Ксеноклида, сына Посия, храм Артемиде Агротере [КБН, 1014; Розанова 1949, с. 173], ничего определенного сказать нельзя. Памятник якобы был установлен на вершине горы и обрушился в воды лимана вследствие подмыва или извержения вулкана [Köhler 1805, p. 9]. В таком местоположении нет ничего удивительного, поскольку эллины для устройства государственных святилищ разных божеств чаще всего использовали холмистые или гористые участки земли. Культы Санерга и Астары не получили распространения среди жителей Боспора. При господствующей здесь греческой религии божества с такими именами или эпиклезами, по всей видимости, остались здесь чуждыми и могли какое-то время почитаться лишь в роду Спартокидов.

Если только первый Спарток происходил из малоазийских фракийцев, то вполне возможно, что его внук Горгиипп был женат на знатной представительнице из его рода. К тому времени в культуре фракийцев из-за тесных взаимоотношений и брачных союзов переплелись вифинские, анатолийские, сирийские, греческие, персидские и другие этнические элементы. Все это обусловило возникновение особых синкретических божеств, которыми, вполне вероятно, являлись Санерг и Астара. Взаимосвязь Санерга с Вифинией косвенным образом определяется

множеством личных теофорных имен в Малой Азии с одинаковой основой (ΣΑΝΓΑΡΙΟΣ, ΣΑΓΑΡΙΟΣ), ведущих свое происхождение от речного божества, олицетворения одноименной реки Сангарий – одной из самых крупных на территории Вифинии [см. лит.: Максимова 1956, с. 344; Габелко 1996, с. 162 сл.]. Ведь нет никакой уверенности в том, что имена Санерг и Астара произносились и запомнились Комосарии точно так, как они воспроизведены греческим резчиком в надписи.

Так как Комосария была женой Перисада I (347-310 гг.), то по прямой линии, несмотря на все трагедии, междоусобные войны и злоключения в дальнейшей судьбе Спартокидов, Камасария получила такое же имя через длительный промежуток времени. Это значит, что не только имя обожествленного боспорцами Перисада I, при котором государство достигло наивысшего экономического и культурного расцвета, но и имя его супруги Комосарии пользовалось уважением и передавалось по наследству. Вполне вероятно, что почитание этого царя особенно усилилось на Боспоре при Спартоке V, который хорошо знал историю Боспора, гордился своим происхождением и избрал для своих детей имена двух прославленных предков, которые, по его представлениям, могли принести счастье и былое процветание всему царскому дому и государству.

При этом возникает закономерный вопрос, в каких родственных отношениях состояли царь Перисад III и царица Камасария. Относительно него тоже нет единогласия среди ученых [ср.: Латышев 1909, с. 302; Minns 1913, p. 582; Гайдукевич 1949, с. 270; Виноградов 1987, с. 63, 64]. Ю.Г.Виноградов решительно отвергает гипотезу Э.Дилья о кровнородственном браке между Перисадом и Камасарией на основании патронимика ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, стоящего после имен этих правителей в дельфийской проксении [Syll³, 439.5-6]. «Отсутствие отчества у Перисада в дельфийской надписи может означать, как мне кажется, – пишет этот ученый, – лишь одно: отец Перисада III не был царем, но, как предположил Латышев, лишь братом царя Спартока V, скончавшимся, видимо, раньше него. Очевидно, за неимением сыновей у Спартока власть впервые и единожды за всю историю спартокидовского Боспора наследовала его дочь Камасария, т.е. порядок наследования надо полагать иным, чем у Латышева: не Перисад, а Камасария, ставши единоличной наследницей престола, сразу или спустя некоторое время взяла себе в мужа двоюродного брата, что имело уже прецеденты в боспорской династийной истории» [1987, с. 63, 64].

Однако, как видно из отдельных данных деятельности Камасарии, весьма сомнительно то, что Перисад III не относился к прямой линии царского рода Спартокидов. В таком официальном документе, как дельфийская проксения не могло отсутствовать отчество Перисада, тем более, что таковое было указано для Камасарии, имя которой помимо всего прочего стояло на втором месте. Кроме того, в нем зафиксирован факт того, что они имели общих предков. Поэтому представляется, что все-таки более прав Э.Диль, который в этом политическом документе патронимик относит к обоим правителям. Вряд ли имя Перисад могло принадлежать представителю не царского происхождения, учитывая культ первого Перисада и дальнейшую преемственность этого имени в царском роду.

Действительно, в известных по истории Боспора письменных источниках не

зафиксированы сведения о кровнородственных браках. Однако, это вовсе не является доказательством того, что таковых вообще не было и быть не могло. Боспорское царство в это время было тесно связано с восточными эллинистическими государствами, где такие браки нередко практиковались и вполне могли заключаться в роду Спартокидов.

Предположительно можно считать, что она была старшей дочерью Спартока V, а ее брат Перисад, родившийся позже, – не исключено, что и от второй жены, – не отличался крепким здоровьем. Судя по ее дальнейшей жизни и деятельности, она была более мудрой, энергичной, здоровой, властолюбивой и долгоживущей, чем ее рано умерший муж.

После смерти Спартока, а, возможно, еще при его жизни во избежание распада царства и сохранения традиционных титулов царя и архонта за сыном был заключен этот брак между братом и сестрой. У нас нет оснований считать его беспрецедентным, если из боспорских эпиграфических источников известен только один случай о браке между двоюродными братом и сестрой – Перисадом I и Комосарией, дочерью Горгииппа. Но последняя, видимо, не имела официального титула царицы, так как он не отмечен в ее посвящении.

Беспрецедентным в истории Боспора следует считать именно то, что впервые на престоле появилась женщина. Титул царицы в это же время был особенно характерен для эллинистических государств. Супруги царей играли здесь важную политическую роль и при удобном случае становились единоличными правительницами или регентшами при малолетних наследниках царского трона. В деятельности Камасарии можно проследить ряд подобных моментов, что наталкивает на мысль о тесных контактах Боспора с эллинистическими державами, знакомстве с их законами, традициями и нравами.

Самым значительным событием во внешнеполитической обстановке в начале ее царствования является мирный договор 179 г. до н.э. после поражения понтийского царя Фарнака I, в который были включены разные владьки азиатских стран, «а из владык Европы сармат Гатал, из народов свободных гераклеоты, месембриане, херсонессцы, наконец, кизикенцы» [Polyb., XXV,2], а затем и двусторонний договор этого же царя с Херсонесом Таврическим [IOSPE. I², 402] – самым ближайшим западным соседом Боспора. Ни в одном случае в связи с происходившими в регионе событиями боспорские города не упоминаются, относительно причин которых высказаны самые разные взгляды [см. лит.: Молев 1994, с. 106-113]. Как бы то ни было, но создается впечатление, что Боспор оказался в изоляции. Если такое положение не беспокоило уже старого Спартока, – если только он еще был жив, – то совсем иначе отреагировала пришедшая к власти Камасария.

Включение Херсонеса и сарматского царя Гатала, который, исходя из сведений Полибия, уже владычествовал в Европе, в текст чрезвычайно важного мирного договора 179 г., юридически и политически укрепляло союз этого греческого города и сарматов перед лицом нового скифского вторжения и закрепляло возвращенные с сарматской помощью земли в качестве неотъемлемой части Херсонесского государства [Сапрыкин 1986, с. 190 сл.; 1996, с. 79]. Отсюда видно, что Гатал

базировался не столько на азиатской стороне Боспора, сколько в Западном Крыму, совершая, по-видимому, грабительские набеги на греческие города и Северо-Западного Причерноморья, которые вынуждены были платить ему дань, как раньше Сайтафарну, чем можно объяснить его «владычество в Европе».

Неожиданное сплочение разных государств не могло оставить совершенно равнодушным любого правителя Боспора. Камасария отреагировала на все эти события быстро и совершенно неадекватным образом. Правда, из всех ее мероприятий осталось зафиксированным в уже упомянутом списке донаторов дидимского святилища Аполлона подношение какого-то золотого сосуда или другого предмета весом 187 с половиной золотых статеров [Граков 1939, № 38]. Симптоматично, что произошло это сразу же на следующий после договора год.

Трудно сказать, преподнесла ли Камасария лично свой дар, совершив в Дидимы нелегкое путешествие с целью обращения за оракулом и знакомства с другими политическими деятелями, которые могли прибыть сюда на празднества Аполлона, или же, по примеру Перисада II, отправила туда специальных послов. Не исключено, что в это время она еще не была замужем, и ей важно было узнать пророчество Аполлона как о судьбе царства, так и о собственной судьбе. Вряд ли случайным является тот факт, что лишь на следующий год в списке дидимских донаторов появляется имя Перисада III, преподнесшего более дорогую фиалу весом 200 золотых статеров [Граков 1939, № 39]. При этом важно отметить, что каждый из них уже имел царский титул. Вполне вероятно, что Камасария получила в Дидимах прорицание Аполлона, содержащее одобрение ее действиям и просьбам.

Обращает особое внимание и то, что дар Камасарии в списке донаторов поставлен после приношений царя Вифинии Прусия II, который упоминается здесь дважды: сначала отмечены присланные им начатки, а затем, после кизикенцев, «две прусиады царя Прусия весом 810 и 830 александрийских драхм» [Граков 1939, № 38]. Создается впечатление, что в последнем случае Прусий II преподнес их лично, как, по всей видимости, и Камасария, иначе была бы использована такая же формула, как и относительно тех начатков, которые прислал вифинский царь. Исходя из данных сопоставлений, как будто нет препятствий для предположения, что боспорская молодая царица имела возможность встретиться здесь с этим правителем.

Как и Боспор, Вифиния при царствовании Прусия II (180-149 гг.), пришедшего к власти почти одновременно с Камасарией, находилась вне связи мирного договора 179 г. Более того, на основании договора о союзе между Атталом II и Митридатом IV, поддержавшим первого в войне 156-154 гг. против Прусия II [Polyb., XXXIII, 12, 1], высказана гипотеза, что он был установлен между Пергамом и Понтом еще при Фарнаке в 179 г. или же сразу после установления мира [Olshausen 1980, S. 416]. Поэтому не исключено, что только что пришедшие к власти Прусий II и Камасария, государства которых не упомянуты в договоре 179 г., решили заключить свое соглашение о поддержке в случае военного вторжения. К тому же как на Боспоре, так и в Вифинии могли помнить о дальних родственниках между царскими родами, тем более, что таковые поддерживались и после основания династии Спартокидов, если только верны догадки о культах Астары и Санерга как малоазийско-фракийских, а также в первые века нашей эры.

Явно под воздействием Камасарии в дар богу Аполлону в Дидимах на следующий год после нее была преподнесена золотая фиала от ее супруга Перисада III. Возможно, эти дары привозили сюда специально во время проведения панэллинских аполлоновских празднеств, на которые традиционно съезжались представители тех государств, где почитали этого бога. Этим самым они открыто демонстрировали не только свою приверженность исконным божествам-покровителям, но и филэллинскую политику. Вряд ли прав Е.А.Молев, уверенно считая, что «Спартокиды никогда не объявляли себя защитниками эллинства и не были таковыми в действительности» [1994, с. 108]. Если бы это было на самом деле так, то Боспорское государство развивалось бы совершенно иными путями и не было бы столь эллинским по духу, культуре и религиозному мировоззрению до конца античности.

Судя по монетам, чеканившимся общиной пантикапейцев, на Боспоре превыше всех богов по-прежнему ставили Аполлона – своего исконного покровителя и защитника, рекомендованного дидимским оракулом для всех милетских колоний на Понте еще в первой половине VI в. до н.э. В последнее время В.А.Анохин выделил небольшие серии медных и серебряных монет времени Камасарии [1999, с. 94-95]. Автор считает, что в нумизматических памятниках отражено приношение ею в Дидимы золотого венка и что выпуском первых медных монет, свидетельствующих о слабых финансовых возможностях, она продемонстрировала самостоятельное правление. Однако сам Перисад, очевидно, предпочитал Афины, воспроизведение статуи которой являлось постоянным символом монет всех последних Перисадов.

Вообще все Спартокиды с неизменным уважением относились ко многим греческим божествам, почитавшимся на Боспоре, не пытались насильственно ввести в своем государстве какие-либо иноземные культы, как и не препятствовали отдельным проникновениям их в частном порядке. Ведь только при Митридате Евпаторе и его наследниках произошли коренные изменения в религиозных воззрениях многих жителей на боспорской земле.

Дельфийская проксения, изданная во второй четверти II в., представляет в несколько ином свете царскую семью [SEG. 1968. 28. № 314] сравнительно с дидимскими списками донаторов. Имя Камасарии стоит в ней после Перисада, что, безусловно, указывает на первенствующую роль этого царя. Вполне вероятно, что царица, став матерью, на какое-то время отошла от государственных дел, хотя это не значит, что ей не пришлось управлять совместно с ним и не влиять на его политические взгляды, независимо от того, в каком ранге она выступала.

Именно возобновление или значительное расширение экономических и религиозных отношений с Дельфами можно относить к ее инициативе, как и в связях с Дидимами. Известно, что первые дары (золотые фиалы) в дельфийское святилище были преподнесены Перисадом II в 276 и 250 г. до н.э. [Граков 1939, № 27, 28]. В царском роду Спартокидов, как и в храмовых хрониках святилищ Аполлона, несомненно, сохранялись сведения об этих дарах, если общие предки Камасарии и Перисада III упоминаются в проксении и если они вновь установили тесные связи с дельфийцами.

Из сохранившегося фрагмента этого декрета ясно, что «царь Перисад и царица Камасария (дети) царя Спартока, остаются и сами, и предки их почитающими (дельфийское) божество». Среди последних прежде всего следует видеть Перисада

II, оставившего там подписные дары. Но вместе с тем вовсе не исключено, что в период интенсивных контактов первых Спартокидов с Афинами в IV в. не обойденными оставались и Дельфы, куда богатые цари могли посылать не только хлеб, но и драгоценные подарки.

Важно и то, что в проксении отмечено гуманное отношение боспорских правителей к дельфийским гражданам, которые непосредственно к ним обращались, пребывая по тем или иным причинам на их земле. Вследствие утраты ее конечной формулы не известно, какие привилегии в благодарность предоставлялись Камасарии и Перисаду в Дельфах, были ли здесь установлены их статуи, к чему стремились многие эвергеты святилищ Аполлона как в Дельфах, так и на Делосе. Вряд ли эта проксения носила лишь чисто формальный, ставший широко распространенным в античных городах декретом, а не являлась важным политическим документом не только о традиционных культурно-религиозных связях, но и экономических, а также межгосударственных, способствующих поддержке друг друга на международной арене в этот самый сложный период истории взаимоотношений восточных государств с греческими полисами, Македонией, Египтом, Родосом, Делосом и Римом, их нарастающим противостоянием и противоборством за право быть первыми в античном мире.

В отличие, например, от понтийских царей, которые предпочитали святилище Аполлона на Делосе и где им устанавливались статуи [Durrbach 1921], и соседних херсонеситов, вспомнивших о первых основателях своего полиса, Камасария и Перисад укрепили давние связи с возрожденными после персидского разрушения Дидимами, а затем и Дельфами, продемонстрировав тем самым свою приверженность главному сакральному покровителю боспорских греков, стремление к дружбе и миру. Известно, что каждое из панэллинских святилищ Аполлона стремилось к собственному обогащению и возвеличиванию своего культа, что, разумеется, не способствовало дружеским связям. Вполне вероятно, что между ними велась тайная борьба за богатых эвергетов путем дипломатических переговоров и приглашений на празднества, а также благодаря пророчествам.

Совершенно иное представление складывается о Камасарии по данным в посвяtitельной надписи, высеченной на недорогой известняковой стеле, установленной на акрополе Пантикапея в святилище Афродиты Урании: «Перисада. Камасарии. Аргота. За архонта и царя Перисада, Филометора, за царицу Камасарию, дочь Спартока, Филотекну, и за Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии, посвятили этот памятник Афродите Урании, владычице Апатура, синагог Феокрит, сын Деметрия и фиаситы...» [КБН, 75]. Изображенные на фронтоне венки символизируют те дары, которые преподнесли фиаситы в дар своей богине за здоровье каждого представителя семейства.

Когда точно возник религиозный фиас в культе Афродиты Урании, не известно. Но вполне вероятно, что инициатором его создания стала царица, – судя по всему, религиозная женщина, уделявшая много внимания религиозно-политическим связям и культурному развитию страны.

Возможно, что благодаря Камасарии был значительно усилен культ Афродиты Урании владычицы Апатура не только собственно на Тамани в ее древнейшем

святилище, но и в перенесении ее культа в столицу Боспора. Эта надпись – самая ранняя из всех известных о ее культе в Пантикапее. Обращает внимание архаизированное изображение Афродиты, сидящей на летящем лебеде (или гусе) со скипетром в руке. Здесь она олицетворяет как бы саму царицу, облетающую Боспорское царство во время своего триумфа. Это, бесспорно, образ эллинской Афродиты Урании, изображения которой в позе сидящей в длинном хитоне и гиматии на летящем лебеде или гусе известны с архаического и раннеклассического времени, особенно в Аттике [Simon 1998, S. 214-220], откуда они были заимствованы и боспорскими эллинами.

Вполне вероятно, что для святилища этой богини в Апатуре был специально изготовлен в Афинах вотив со сходным изображением еще при ранних Спартокидах, хранившийся в нем как святыня. Как бы то ни было, но боспорскому мастеру рассматриваемого рельефа был хорошо знаком аналогичный образ Афродиты Урании. Две фигурки Nike на корабельных носах над фронтоном символизируют, с одной стороны, связь этой богини с морем, а с другой, победу на море при правлении семейной царственной диады (сына и матери).

Упомянутый в надписи супруг Камасарии Аргот не имел царского сана и не значится в ней, как выходец из какой-либо царской семьи, что заставляет с крайней осторожностью относиться к его характеристике. Ю.Г.Виноградов предполагал, что данная плита «была поставлена по совершенно конкретному поводу династийно-государственной декларации в связи с повторным браком Камасарии» [1987, с. 64]. Однако этому препятствует то, что посвящение сделано фиасом в святилище Афродиты Урании, явно не обладавшим большими средствами, а соответственно и политическим влиянием для того, чтобы поставить мраморную стелу. Немаловажно и то, что супруг Камасарии в столь ответственном документе отмечен, как заурядная личность по традиционным греческим обычаям (только имя и патронимик). Ряд сопоставлений не дает абсолютной уверенности в том, что это чисто иранское (скифское) имя. В такой же степени носителями сходных имен могли быть боспорские и малоазийские эллины, фракийцы, выходцы из Понтийского царства и т.д. Если бы факт повторного замужества Камасарии играл столь важное значение в жизни царского двора Боспора и всего государства, то это нашло бы отражение в надписи.

Тем не менее в эпиграфических источниках Боспора впервые представлен столь редкий случай нахождения у власти трех правителей, если даже Аргот и не играл здесь особо важной роли. Из данного посвящения можно почерпнуть крайне важные для истории этого государства сведения. Прежде всего ясно, что царем стал сын Перисада и Камасарии, нареченный тоже Перисадом, прямой наследник династии Спартокидов. Отсюда все исследователи единодушны в том, что Перисада III уже не было в живых, если царица вышла замуж вторично за некоего Аргота. Однако, когда именно это произошло, вряд ли достоверно можно установить. Вотив фиаса отнюдь не является источником для бесспорного вывода о том, что это произошло уже при взрослом, давно занявшем царский трон, сыне, когда Камасария была в возрасте около сорока или более лет, а Аргот, наоборот, был намного ее моложе [Зайцев 2000, с. 54].

Перисад IV, как и его дальние предки, имел двойную титулатуру – архонта и царя. Причем на первом месте, как и прежде, стоял ставший уже традиционным титул архонта. Существует гипотеза, что гражданская община и в это время следила за изменениями в престолонаследии и заключении брачных союзов, занималась их легализацией и обладала определенными правами. Однако вряд ли следует при этом безоговорочно утверждать о неразборчивости в употреблении боспорскими правителями терминов обоих потестарных титулов, начиная с III в. до н.э. [Белова 1984, с. 81].

Вполне вероятно, что Перисад III с Камасарией относились к законам своих предков с неизменным уважением, стремились следовать им и предоставили пантикапейцам дополнительные льготы. Как раз преподнесение даров в Дидимы и Дельфы, а также употребление в рассматриваемой надписи «архаизирующего» титула $\text{ΑΡΧΩΝ ΡΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣ}$ свидетельствуют о континуитете традиций предков, во всяком случае, начиная с Перисада I, когда Боспор являлся самым мощным государством. При нем в святилище Афродиты Урании владычицы Апатура близ Фанагории были установлены статуи на мраморных постаментах Аполлодором, сыном Фанагора, и Кассалией, дочерью Посия [КБН, 971, 972], а в Гермонассе, возможно, этой же богине посвятила бронзовую статую Акия, дочь Перисада [КБН, 1041]. В свою очередь пантикапеец Феномах посвятил Аполлону Фсбу бронзовую статую своего отца Антистасия, на постаменте которой была высечена стихотворная эпиграмма, в которой Перисад величался как «правитель всей земли, которая лежит между крайними пределами тавров и границами Кавказской земли» [КБН, 113; Трейстер 1999, с. 144, лит.].

Вообще, при правлении этого царя значительно возросла религиозно-энергетическая деятельность на Боспоре. Традиция пропаганды культа Афродиты Урании владычицы Апатура, ее величия в ипостаси всесторонней защитницы, в том числе и царствующего дома значительно расширилась при Камасарии, покровительствующей культовому фиасу. А он, в свою очередь, делал все возможное, чтобы достойно представить царскую семью, уделяющую столь много внимания прославлению исконной боспорской богини [Русяева 2001, с. 20-21].

В династической истории Боспора не было случаев, чтобы цари именовались такими эпитетами как Филотекна (Любящая дитя) и Филометор (Любящий мать). Подобного типа эпитеты в это же время, что особенно важно, мы встречаем у правителей Понтийского царства. Придя к власти около 160 г., Митридат IV женился на родной сестре Лаодике и царствовал до 150 г. [Сапрыкин 1996, с. 86 сл.]. Согласно Ю.Ф.Виноградову, правление Перисада IV (сначала с матерью, а потом единолично) относится приблизительно ко второй четверти II в., что, в свою очередь, дает основания полагать, что посвящение пантикапейского фиаса Афродите Урании датируется временем до 150 г. [Виноградов 1987, с. 64].

Митридат IV присвоил себе эпитеты Филопатор (Любящий отца) и Филадельф (Любящий сестру), а Лаодика, соответственно, именовалась Филадельфа (Любящая брата). Было бы неверно считать, что такое почти синхронное совпадение случайно, как и вряд ли случайно, то, что впервые на Боспоре в надписях отмечена своеобразная семейная триада: сын царя и царицы и сам же царь Перисад IV, мать царица Камасария

и ее второй супруг Аргот. В такой же степени не случайно, что первый муж, сын, внук носили одно и то же имя – Перисад, вследствие чего последний из них в посвятительной надписи дочери царя Скилура Сенамотис, жены Гераклида, именовался трижды Перисадам [Виноградов 1987, с. 58].

Вопрос о времени установления боспоро-понтийских контактов сложен. Как известно, для этого времени, как и более раннего, не имеется никаких конкретных свидетельств о существовании таковых. Их отсутствие и дает право исследователям полагать, что до Митридата VI Евпатора их вообще не было или же они носили крайне спорадический характер [см.: Молев 1994, с. 106-109; Сапрыкин 1996, с. 95]. Правда, Д.Б.Шелов все-таки на основании боспорских монет, чеканенных из желтой или светлой меди, а также отдельных символов, заимствованных из понтийской нумизматики, полагал о возможности каких-то отношений между боспорской правящей верхушкой и Митридатом V задолго до присоединения Боспора к Понту [Шелов 1956, с. 203]. По мнению С.Ю.Сапрыкина, если определенные связи и существовали, то только с крупнейшими южнопонтийскими полисами [1996, с.95], что имеет немаловажное значение для экономического развития Боспора. И все же, если исходить из сходства эпитетов, которые почти синхронно носили в 160-150 гг. до н.э. понтийские и боспорские правители, прямой передачи имени отца сыну – прямому наследнику царской власти, до этого не свойственной для Боспора, хотя бы опосредованные контакты могли существовать между ними благодаря инициативе Камасарии, стремившейся к тому, чтобы ее государство вновь заняло подобающее место в Причерноморье, как и во времена ее знаменитых предков.

Поскольку Камасария и ее сын имели сходные прозвища с понтийскими правителями, то вполне вероятно, что именно она демонстрировала их официально ради установления и укрепления более тесных контактов не только с южнопонтийскими городами, входившими в Понтийское царство, но и с царским домом Митридата IV, известного своей филэллинской политикой. В такой же степени она могла найти какие-то пути для сближения с Понтом и в поисках подходящей супруги как для своего сына, так и внука Перисада V. Вместе с тем перед всеми боспорцами она пыталась доказать, что превыше всего в ее жизни является не вторичное замужество, а любовь к сыну, сохранение наследственной власти, верность отчим традициям Спартокидов как в отношениях с гражданскими общинами городов, так и входившими в государственное объединение племенами.

Имя второго мужа царицы – Аргот – считается принадлежащим к ираноскифскому ареалу, в результате чего устанавливается, что он, несомненно, происходил «из среды скифской знати, а наиболее вероятно, просто из правящего дома Скифского царства в Крыму» [Виноградов 1987, с. 61]. Вполне допустимо, что после того, как Боспор и Малая Скифия в Крыму остались вне договора 179 г. до н.э., куда был включен Херсонес Таврический и сарматский царь Гатал, возобновилось укрепление родственных связей царствующих фамилий с целью борьбы против общего врага – сармат. Однако такому прямому решению этого вопроса мешает то, что Аргот в надписи отмечен как рядовой гражданин, сын какого-то Исанфа, если правильно восстановлено его имя.

Для окончательного решения этого вопроса на современном уровне наших

знаний необходимо провести объективное сопоставление хронологических данных об образовании царства Скилура в Крыму, новых источников о его этническом происхождении, времени правления Камасарии и даты посвящения фиаса с упоминанием ее второго мужа [ср.: Виноградов 1987, с. 61 сл.; Vinogradov 1997, S. 532-538; Зайцев 1999, с. 128-147], а также недавно обнаруженной эпитафии Аргота в Неаполе, которого Ю.П.Зайцев уверенно отождествляет со вторым супругом Камасарии, не пытаясь при этом объяснить, почему же он оказался погребенным не в Пантикапее, а в этой скифской столице и насколько палеография надписи совпадает со временем жизни этого «повелителя Скифии» [Зайцев 2000, с. 52-54]. Поскольку мне неизвестна полная публикация этой интереснейшей эпитафии, делать здесь какие-либо выводы преждевременно, тем более, что нас интересует прежде всего Камасария.

Можно только предполагать, что проявившая себя во всех отношениях как мудрая, стремившаяся к налаживанию дружественных контактов с цивилизованными государствами и панэллинскими святилищами, религиозная и явно хорошо образованная Камасария согласилась бы на такой явно не равный брак ради спасения и хотя бы относительного процветания государства, которым управлял ее любимый сын. Если Аргот на самом деле происходил «из правящего дома Скифского царства в Крыму», то он был достаточно эллинизированным варваром, чтобы воспринять легко и быстро обычаи боспорского царского рода и не претендовать на титул царя при правящем по праву прямого наследования Перисаде IV. Не ясно все же, почему хотя бы для престижа как самой царицы, так и всего рода Спартокидов остался не отмеченным ни его титул, ни титул его отца.

Живейшим образом реагируя на все изменения в жизни причерноморских государств, рациональная, мудрая, амбициозная и, очевидно, хорошо образованная Камасария предприняла все усилия, чтобы так или иначе сохранить за собой титул царицы и постоянно находиться у власти как при муже Перисаде III, так и при сыне Перисаде IV, которых она глубоко любила и ценила. Сохранение династии Спартокидов – в ее понимании, бесспорно Перисадов, – и многих родовых традиций, в особенности семейства Перисада I и его жены Комосарии, было для нее смыслом жизни и семейного благополучия. Второму супругу Камасария как истинная царица-мать явно отводила второстепенное место.

Скорее всего, что при ее жизни родился и внук Перисад – последний боспорский царь из династии Спартокидов. Ее кровнородственный брак мог сказаться именно на нем, если Перисад V на самом деле не имел детей, что вынудило его усыновить Митридата VI Евпатора и передать ему в наследство Боспорское царство. Так стремление Камасарии к сближению с малоазийскими государствами в итоге способствовало рождению совершенно новой царской династии на Боспоре – Митридатидов. Главным итогом ее духовной жизни представляется возрождение и значительное усиление религиозных связей с панэллинскими святилищами Аполлона в Дидимах и Дельфах, расширение культа этого бога и

Афродиты Урании в европейской части Боспора, особенно Пантикапее, что способствовало укреплению царской власти и уважительному отношению к ней гражданской общины столицы Боспорского государства.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М., 1997.
- Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Белова Н. С.* Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н.э. // ВДИ. 1984. №2.
- Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М., 1990.
- Васильев А. Н.* К вопросу о фракийском происхождении Спартока // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
- Габелко О. Л.* Фрако-вифинское население в городах побережья Пропонтиды и Северо-Западной Малой Азии // История и культура древнего мира. М., 1996.
- Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Женщина в античном мире. М., 1995.
- Зайцев Ю. П.* Скилур и его царство // ВДИ. 1999. №2.
- Зайцев Ю. П.* Аргот – супруг царицы Комосарии (к реконструкции династийной истории Боспора и Крымской Скифии) // Таманская старина. Тез. докл. междунар. конф. СПб., 2000. Вып. 3.
- Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Латышев В. В.* Понтика. СПб., 1909.
- Лубченков Ю. Н., Романов В. И.* Женщина и власть: о Клеопатре и Мессалине, Агриппине Младшей, Поппее Сабине. Белгород, 1990.
- Максимова М. А.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956.
- Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
- Розанова Н. П.* Посвятительная надпись Санергу и Астаре // ВДИ. 1949. № 2.
- Русяева А. С.* Боспорська держава у IV-I ст. до н.е. // Давня історія України. Київ, 1998. Т. 2.
- Русяева А. С.* Афродита Урания – патронесса милетско-понтийской колонизации // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб., 2001.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. М., 1996.
- Тохтасьев С. Р.* Вотив царицы Комосарии // ПАВ. 1994. 8.
- Трейстер М. Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // ХС. 1999. Вып. X.
- Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956.
- Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985.

Русяева А.С. Боспорская царица Камасария

- Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Яйленко В.П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995.
- Durrbach F.* Choix d'inscriptions de Delos. Paris, 1921. Vol. I.
- Gardner J.* Women in Roman Law and Society. Bloomington, 1986.
- Günther W.* Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit // Istanbuler Mitteilungen. Tübingen, 1971. Beiheft 4.
- Köhler H.* Dissertation sur le monument de la reine Comasarye. СПб., 1805.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Olshausen E.* Pontos und Rom (63 v. Ch. – 64 n. Ch.) // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Berlin, 1980. Bd. II.
- Rehm A.* Didyma. Berlin, 1958. Bd. 2.
- Schuller W.* Frauen in der griechischen Geschichte. Konstanz, 1985.
- Schuller W.* Frauen in der römischen Geschichte. Konstanz, 1987.
- Seltman Ch.* Women in Antiquity. London, New York, 1956.
- Simon E.* Die Götter der Griechen. München, 1998.
- Ustinova Yu.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden. Boston. Köln, 1999.
- Vinogradov Ju.G.* Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz am Rhein, 1997.
- Werner R.* Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. IV.
- Zinserling V.* Die Frauen in Hellas und Rom. Leipzig, 1972.

RUSJAEVA A.S. DIE BOSPORANISCHE KÜNIGIN KAMASARYA Resümee

Die Königin Kamasarya war in historischer, chronologischer, religiöser Hinsicht unverkennbar der hervorragende Verveserin und Königmutter in der Geschichte Bosporos Kimmerios im 2. Jh. v. Chr. Einer der wichtigsten Züge der Tätigkeit Kamasarya waren die intensiven Freundschaftsverhältnissen mit der panhellenischen Heiligtümer Apollon in Didyma und Delphi, Heiligtum Aphrodites Urania Herrin von Apaturon in Taman und Pantikapaion und seine Kultverbindung. Besonders interessant sind die engen verwandten Wechselbeziehungen mit das Pontische Königreich und der Skythen. Die weise und kultivierte, vernunftmässige und ambitiöse Königin Kamasarya stellt die Verteidigerin und Bewahrerin der Traditionen der bosporanische Königs Familie Peirisades I und Komosarya.